

Локи взглянул на него и увидел, что мужчина теребит в руках устройство, чем-то похожее на портативное устройство связи. Оно оказалось всего в нескольких миллиметрах от носа смертного и он, казалось, очень настойчиво желал выяснить, как оно работает, что заставляет его гудеть, но Локи не видел никаких видимых надписей или кнопок, которые бы обозначали его интерфейс. Вместо этого смертный снова и снова отстукивал на вершине устройства какой-то ритм.

- Может, ты и понимаешь, - признал Локи. - Но это ничего не меняет.

- Куда бы ты пошел? - спросил смертный, не поднимая глаз от устройства.

- Прости? - Локи поднялся, опираясь на локоть, чтобы более внимательно осмотреть странного человека.

- Если я отпущу тебя. Куда ты пойдешь? Щ.И.Т. думает, что ты убил всех этих людей по своей воле, Тор хочет вернуть тебя в Асгард, и теперь у него есть этот космический синий куб-портал. Так куда бы ты пошел?

- Я не знаю, - признался Локи.

- Что тебя ждет в Асгарде, если Тор заберет тебя с собой?

Локи не смог сдержать слабое хихиканье, вырвавшееся откуда-то из груди. Он был грязью под ногами асов, а в Ётунхейме даже еще ниже - цареубийца. Но кое-что Один мог ему предложить, ту единственную вещь, которую он так долго искал, которая ускользала от него на каждом шагу.

И спустя некоторое время он ответил:

- Быть может, покой. Возможность отдохнуть.

- Ты имеешь в виду смерть, - догадался мужчина.

- Я могу лишь надеяться на подобное снисхождение от Всеотца, - усмехнулся Локи.

- А тот, другой парень, что он сделает? - произнося эти слова, Старк постукивал по стеклу костяшками пальцев.

- Что?

- Ну, кто там тебя послал, - уточнил он. - Что случится, если он опять тебя найдет?

Локи присел перед стеклянным окном, через которое странный человек наблюдал за ним. Хотя, судя по всему, его внимание не желало оставлять этот образец технологии в его руках. Но Локи ведал куда больше. Локи - трикстер и интриган - который научился наблюдать, когда другие ни на что не обращали внимания, который научился введению в заблуждение у лучшего. У лучшей. Это Фригга наставляла Локи, это она поделилась с ним своей магией и умениями.

И своими трюками.

- Ты знаешь, Старк, - Локи позволил веселью просочиться в его слова. - Ты прекрасно знаешь, что существуют вещи, которые гораздо хуже смерти.

Мужчина пожал плечами и убрал устройство в карман, а затем поднял взгляд на Локи, только чтобы обнаружить, что лицо Локи за стеклом застыло всего в нескольких дюймах от его собственного. Он заморгал, как сова, на высокого мужчину, а потом его рот изогнула непринужденная ухмылка.

- Посмотрим, что я могу сделать. Но тебе стоит знать, что мне это не нравится.

- Не припоминаю, чтобы меня заботило, что нравится муравью.

- Смешно, - заулыбался мужчина, а потом прижался к стеклу губами и, махнув рукой, отстранился от него, оставляя после себя затухающий отпечаток. - Ну пока, принцесса.

Однако, самым худшим в путешествиях по нитям вероятного, но так и не случившегося, стал тот миг, когда Локи осознал, что Один никогда не дарует ему смерть.

Даже когда Локи дразнил и раздражал Одина, или даже Фриггу, - не подействовало ничего, ничего из того, что он делал, не заставило Одина отвергнуть слова Фригги, которая требовала, чтобы Локи пощадили от высшей формы правосудия асов.

А пересмотрев еще несколько нитей, Локи сообразил, что только Фригга была причиной продолжения его существования. И он ненавидел ее за это, как подросток ненавидит мир, ненавидел, что она не может просто принять его судьбу и отпустить его. Ненавидел за то, что она опутала его этими нитями, чтобы оставить его живым, когда все, что он хотел - это уснуть, уснуть там, где Танос никогда вновь не сможет его найти.

И Тор ему никогда не верил. Тор - болван, который устроил весь этот переполох со своим провалившимся вторжением в Ётунхейм, со своим высокомерным и недооценивающим обращением с Локи - однако ни в одной из тех нитей, в которых он побывал, Тор никогда не верил ему. Никогда не верил, что это Безумный Титан заставил Локи. И даже хуже, если он и верил Локи, то только потому, что Тор доверял кому-то другому, а этот кто-то поверил ему. Но никогда самому Локи, никогда одним только словам Локи.

Ужасно, что даже после более чем тысячи лет Тор так и не узнал его настолько, чтобы не сомневаться в намерениях Локи, когда он устроил вторжение Читаури в Мидгард так, чтобы оно провалилось, чтобы выглядело, будто он жаждет трона... но что насчет тех прядей, в которых Локи прямым текстом рассказывал Тору, что Танос его пытал, а этот олух не обращал на его слова никакого внимания? Все равно отвозил его, с кляпом во рту и со скованными руками, обратно в Асгард.

Это была постоянная, наблюдать которую - больно и унижительно, наблюдать, как Тор снова и снова не верит ему, никогда не верит. Однако верил этот странный смертный - в большинстве нитей, чем Локи смог бы припомнить. И много-много раз смертный, известный как Железный Человек, защищал Локи, сражался против Тора, против своих собственных человеческих друзей. Сражался против всех. Ради него.

И когда, побывав в таких прядях, Локи просыпался на следующее утро, он никак не мог решить, что было хуже: что Тор не верил ему, называл его Богом Лжи (лжи, думал Локи, когда он лгал лишь, чтобы спасти Тора) или что жалкий человек с интеллектом выше среднего и в причудливой броне знал Локи куда лучше, чем его собственная, так называемая, семья.

По утрам, когда Фригга заходила к нему, чтобы спросить о последних нитях, Локи едва не называл ее матерью.

Едва.

Заклучение в ослепительно белом подземелье тоже было постоянной, предусмотренной почти в каждой нити, в которой Локи возвращался в Асгард. Иногда Один отправлял его обратно в Мидгард, чтобы он отбывал свой приговор там. Иногда его передавали в Ётунхейм, чтобы монстры сами наказывали его за преступления против их мира, наказывали до тех пор, пока не убьют.

То, что они, к сожалению, не делали.

Нити были немного похожи на Иггдрасиль: каждая простиралась прочь от главной тропы, словно была тончайшей веточкой, которая могла бы вырасти в новую ветвь, если бы для гобелена не выбрали другую нить. Те, что потолще, вплетались в общий рисунок; а более тонкие, по которым путешествовал Локи, были отвергнуты. Однажды он видел нить, которая не была избрана для шитья - тонкая материя, почернев, рассыпалась в его пальцах и оставила бога похолодевшим изнутри.

А дальше возникало все меньше и меньше прядей, в которых Локи отталкивался от момента прибытия в Мидгард. Такое впечатление, словно его решения заодно укрепили и тропинки, усилили нить, по которой он сейчас шел по судьбе; соединяя пряди друг с другом в более сильное волокно, он словно толкал самого себя вперед.

Но нити всколыхнулись, и сквозь них проступил другой узор - это сны Локи переплетались с иными судьбами, которых никогда не существовало, едва различимые - он их и не заметил

поначалу.

Первое время Локи думал, что это дело рук Фригги, что это она как-то управляет нитями, чтобы Локи видел лишь те из них, которые она хочет, чтобы он видел, однако в этом не было никакого смысла. Ради чего Фригге возиться с каким-то мидгардским смертным, чей век так короток, и в сравнении с которым Локи уже прожил сотни жизней?

И все же он был там, снова и снова: непочтительный и раздражающий, а раскрыв маленький секрет связанной камнем души бога, делающий все возможное и невозможное, чтобы помешать Локи умереть. В бесчисленных повторениях Старк довольно рано выяснял, что Локи находится под ярмом Иного, и успевал остановить разрушения на борту Хеликерриера.

В одной из нитей, которую видел Локи, смертный появлялся в Германии и тотчас заряжал в грудь Локи репульсорным выстрелом, удар от которого был так силен, что бог проехался по тротуару как пущенный по воде камень, прежде чем его голова встретила твердой каменной стеной. Сотрясение Локи было таким всеобъемлющим, он помнил, что его не отпускало ощущение, будто голова вот-вот взорвется от малейшего движения, однако от него в разуме бога стало так тихо, что Локи-из-той-нити начал смеяться почти сразу же, как только пришел в себя, смеяться, несмотря на крупные соленые слезы, катившиеся по его щекам вниз. Странный смертный подошел к нему и поднял свою лицевую панель, а затем осторожно помог богу встать на ноги.

А потом, намного позднее, Старк его поцеловал. А после Старк помешал Тору утащить Локи обратно в Асгард, и они вместе нашли и повергли Таноса в самые темные глубины вселенной. И Локи до сих пор мог припомнить смущающее ощущение тех теплых губ, - медлящих, неуверенных и совершенных, - коснувшихся после битвы его собственных.

Для нитей странный смертный стал неизменной величиной - один-единственный, сбивающий с толку элемент среди запутанных тропинок - и намного чаще, чем хотелось бы, ему удавалось вмешаться в планы Локи. И это было волнующе, ужасающе и болезненно. Потому что откуда это все вообще могло взяться?

А однажды ночью, когда он закрывал глаза, за миг до того, как скользнуть в еще одну подобную сну прогулку по еще одной тропе, бог заметил, что среди нитей еще одного проявившегося паутиного узора, одна нить, привнесенная магией Фригги, была раскрашена в красный и золотой и переплеталась с зеленой и черной.

Но что она там делала, зачем околдовывать и влиять на пряди, которым не суждено было войти в узор. Какая польза в том, что она перебирает и дергает за разнообразные нити сейчас, когда Локи уже упрятали на веки-вечные в подземельях Асгарда? Смертный, быть может, умрет за тридцать лет, может за сорок, в чем надобность асу в существе со столь короткой жизнью?

- Я хотел бы, чтобы ты сняла это проклятие, Фригга, - сказал он на той неделе, когда она навестила его. - Я устал блуждать по тропинкам Судеб, которые Три Сестры для меня не выбрали.

- Сыновьям, которые неуважительно относятся к своим матерям, не делают одолжений.

- Фригга, ты сейчас в самом деле пытаешься меня подкупить, чтобы я опять называл тебя матерью? - Локи почти фыркнул на такую нелепость.

- Сын мой, тебе бы уже стоило это знать. Я никогда не поддразниваю.

- Я не...

- Мой сын, да, да, я знаю, - прервала его Фригга, награждая Локи раздраженным взглядом, за который Трикстер ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, не почувствовал себя виноватым.

Она так и не сняла проклятие, и Локи отказался с ней разговаривать, когда она пришла в следующий раз. Потому что, а что бы он сказал? "Привет, мама, я знаю, ты пытаешься меня спасти, но я очень недоволен тем, что ни в одной из прядей, где я возвращаюсь в Асгард, мне никак не разрешается умереть?" Это не казалось подходящими словами, даже если теперь он знал, что она все же была не единственной, кто произвела его на свет.

Так что он продолжал жить, если это можно было так назвать, окруженный белым и нестерпимым, окруженный позором. И злостью, признавал Локи, когда посмеивался над проходящими мимо стражниками, наслаждаясь тем, как мужчины отступают прочь от заградительного барьера камеры Локи, словно думали, будто он вполне вероятно сможет выйти наружу, будто его сейд все-таки сможет подавить ограничивающие магию силовые поля.

Продолжались и сны.

<http://tl.rulate.ru/book/73541/2033329>